ББК 63.3(2)
Ф18

Редакционная коллегия:
Ю. В. Давыдов, С. В. Колесников,
А. А. Чернобаев, Н. Я. Эйдельман

Под научной редакцией
доктора исторических наук
Г. З. Иоффе

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 26183 1991 г.

Факел. 1990: Ист.-рев. альманах.— М.: Политиздат,
Ф18 1990.— 320 с.: ил.

В этом выпуске альманаха продолжается публикация разнообразных материалов об участниках революционного движения в России: декабристах, народниках, большевиках. Читатель найдет здесь очерки, уникальные архивные документы и фотографии, воспоминания, письма, большинство из которых публикуется впервые. Особое место занимают сюжеты о «белых пятнах» истории, незаслуженно забытых именах. Раздел «Писатель и история» рассказывает о книге Л. Фейхтвангера «Москва 1937». «Взгляд с той стороны» на этот раз представлен отрывками из дневников царского министра внутренних дел П. Валуева, идеолога белой эмиграции П. Милюкова и другими материалами.

Издание богато иллюстрировано, рассчитано на массового читателя.

Ф $\frac{0503020000-078}{079(02)-90}$ 117—90

ББК 63.3(2)+66.61(2)2

На переплете использованы
слайды с картин:
Т. Назаренко «Декабристы. 1825:
восстание Черниговского полка» (1978),
«Казнь членов организации
«Народная воля» (1969—1972),
К. Петрова-Водкина
«После боя» (1923),
а также с портретов
семьи декабриста Норова,
хранящихся ныне у О. Н. Арденс.

На I форзаце —
фрагмент картины П. Соколова-Скаля
«Штурм Зимнего»,
на II форзаце —
фрагмент картины В. Подковырина
«Взятие Кремля
3(16) ноября 1917 г.».

Заведующий редакцией *В. М. Подугольников*
Редакторы-составители *З. У. Устенова, Н. Б. Чунакова*
Младшие редакторы *Н. В. Квашук, Н. С. Коблякова*
Художник *Е. Г. Капустянский*
Художественный редактор *А. Я. Гладышев*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 8209

Сдано в набор 21.03.90. Подписано в печать 25.10.90. Формат 70×108 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28. Усл. кр.-отт. 57,75. Уч.-изд. л. 31,85. Тираж 100 000 экз. Заказ № 504. Цена 2 р. 10 к.

Политиздат.
125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

© Колл. авт., 1990
© Устенова З. У., Чунакова Н. Б.,
составление, 1990

[11] Сосновский Л. С. (1886—1937), редактор газеты «Беднота».

[12] Камков (Кац Б. Д.) (1885—1938), один из лидеров партии левых эсеров, инициаторов убийства германского посла Мирбаха и организаторов левоэсеровского мятежа.

[13] Стеклов Ю. М. (1873—1941), революционный публицист. В 1917 г.— член Исполкома Петроградского Совета. С 1917 г.— редактор газеты «Известия» и других изданий.

[14] Стучка П. И. (1865—1932), советский государственный и партийный деятель. С марта 1918 г.— нарком юстиции РСФСР.

Предисловие, публикация и комментарии Н. С. Зелова

Зинаида Перегудова

МЕТОДЫ БОРЬБЫ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ

(кадры, курсы, программы)

По материалам ЦГАОР СССР

На протяжении всей своей истории российское освободительное движение развивалось в условиях острейшей борьбы с самодержавием, с государственными учреждениями царской России, осуществлявшими охранительные функции. Одним из таких учреждений был Департамент полиции Министерства внутренних дел, созданный в 1880 г. как руководящий орган общей и политической полиции. Департамент полиции пришел на смену такому учреждению, как III Отделение собственной его императорского величества канцелярии. Созданный на базе последнего и унаследовав его задачи, Департамент, однако, не взял в свой штат ни одного сотрудника III Отделения, методы работы которого давно скомпрометировали себя. В лице Департамента полиции, как утверждали власти, они стремились создать учреждение на чисто правовой основе, скомплектовав штат его из лиц с юридическим образованием.

В структуре политической полиции царизма были два основных подразделения, тесно связанных между собой: Департамент полиции (центральный орган политического сыска) и Отдельный корпус жандармов (специальное военное подразделение, осуществлявшее наиболее ответственные функции борьбы с революционным движением). Общее руководство этими учреждениями возлагалось на одного из товарищей министра внутренних дел.

Местными органами Департамента полиции были губернские и областные жандармские управления и жандармско-полицейские управления железных дорог, охранные отделения. Сотрудниками этих учреждений были в основном офицеры Корпуса жандармов.

КАДРЫ

В течение длительного времени в Департаменте работали штатские лица, юристы. Многие из них имели слабое представление о революционном движении на местах и методах борьбы с ним. Только с приходом небезызвестного надворного советника Зубатова (который, кстати, не имел чина полковника), возглавившего Особый отдел, к работе в Департаменте начинают привлекать особо отличившихся в борьбе с революционным движением офицеров из Корпуса жандармов. В их числе были Терещенков, Комиссаров, Мец, Беклемишев и Еремин. Их профессионализм ценился высоко.

Секретный сотрудник заграничной агентуры Я. Житомирский. 1914 г.

Личный состав Корпуса комплектовался из армейских офицеров, которые в ходе службы получали основательную подготовку. К переводу в Корпус допускались офицеры не выше чина капитана или ротмистра армии, не «бывшие в штрафах», не состоящие под судом или следствием, не имевшие казенных и частных долгов. Не допускались в него и офицеры польского происхождения или женатые на католичках или еврейках.

В Департаменте полиции были заведены дела по проверке таких офицеров «По запросам штаба Корпуса жандармов о благонадежности».

УЧЕБА

Первоначально офицеры, предназначенные к переводу в Корпус жандармов, вносились в список кандидатов и при штабе Корпуса подвергались предварительному испытанию: проходили собеседование в Особой комиссии, которую возглавлял начальник штаба. Испытуемый должен был подготовить работу по вопросам истории, литературы или юриспруденции. Он должен был ответить на вопросы по государственному и уголовному праву, по политической экономии, русской истории, истории Великой французской революции, новейшей истории Западной Европы, географии. Те, кто выдерживал этот экзамен, прикомандировывались к штабу Корпуса и проходили обучение на курсах при штабе. Здесь готовили к будущей служебной деятельности. Обучение продолжалось в среднем от трех до шести месяцев. Основными предметами были: устройство Корпуса жандармов, права и обязанности его чинов в строевом, инспекторском, военно-судном отношениях, права и обязанности по производству дознаний и переписок, курс регистрации преступников (антропометрия, дактилоскопия), специальные права и обязанности чинов жандармско-полицейских управлений железных дорог, политический розыск, система шифров.

Самое большое число учебных часов отводилось теории розыска и истории революционного движения.

В материалах Департамента полиции сохранился «Вопросник по истории революционного движения», содержащий 179 вопросов [1] (начиная с восстания декабристов). На каждый вопрос давался короткий ответ. В вопроснике растолковывались такие понятия, как социализм, коммунизм, нигилизм, аграрный социализм, анархизм, государственный социализм, давалось представление о деятелях революционного движения, таких, как А. И. Герцен, М. В. Буташевич-Петрашевский, М. А. Бакунин, Н. Г. Чернышевский и др. Подробно рассматривались вопросы социал-демократического движения, в частности давалась разработка вопросов, связанных со съездами партии (II, III, IV и др.).

Сохранилась детальная разработка курса по истории революционного движения, ее программа, где изучались не только первые революционные организации, но уставы и их различия. Например, тактика Северного и Южного обществ декабристов, разница между тактикой, отношением к террору социал-демократов и эсеров и т. д.

На курсах изучалась марксистская литература, партийные издания, в частности «Манифест Коммунистической партии», книга К. Диля «Социализм, коммунизм и анархизм», статьи из газеты «Искра».

Программы по всем предметам утверждались командиром Корпуса жандармов. Испытания проводились по 12-балльной системе. Ответ, оцененный ниже 6 баллов, считался неудовлетворительным. Офицеры, успешно окончившие курсы, могли быть назначены адъютантами жандармских управлений.

БИБЛИОТЕКА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИЗДАНИЙ

В распоряжении Департамента полиции была «Библиотека революционных изданий», организованная еще в 30-х гг. XIX века, во времена III Отделения [2].

Процесс накопления литературы шел за счет изъятия печатных изданий при обысках и арестах, перехвата посылок и писем с листовками и газетами. Наряду с большевистскими изданиями в библиотеке имелись материалы других партий и организаций: учащихся, студенчества, профсоюзов (даже листовка, выпущенная полицейскими).

Жандармы проявляли большой интерес к книгам, имеющимся в библиотеке. Так, военный губернатор Кронштадта Бирилев в феврале 1905 г. обратился с просьбой к директору Департамента Лопухину о высылке ему ряда заграничных изданий, мотивируя это тем, что «при современном усилении роста рабочего движения необходимо

следить всесторонне за таковым, знакомясь со взглядами по этому вопросу как правительственных сфер, так и с требованиями антиправительственных групп». А помощник начальника Таврического ГЖУ (губернское жандармское управление) подполковник Кравченко обращался с еще более конкретной просьбой: выслать ему для ведения формального дознания работы В. И. Ленина «К деревенской бедноте» и Л. Мартова «Рабочее дело в России».

Подобные библиотеки революционных изданий существовали и в ряде охранных отделений. Сохранилось донесение начальника Московско-Архангельского жандармско-полицейского управления железных дорог в Департамент полиции, датированное февралем 1913 г., в котором в качестве одного из способов борьбы с «крамолою» признавалась «осведомленность г[оспод] офицеров Корпуса жандармов с подпольной литературой». К нему был приложен список литературы из 493 наименований. В этом списке были книги Бакунина, Бебеля, Геда, Ленина, Маркса, Плеханова.

Библиотеки были не только хранилищем революционных изданий, но и частью политического сыска.

В апреле 1908 г. министром юстиции было издано циркулярное распоряжение, предписывавшее прокурорам судебных палат и окружных судов «препровождать в Департамент полиции все имевшие значение вещественные доказательства по политическим делам: книги, рукописи, письма, заметки и т. п. печатные и рукописные материалы, поступающие по окончательном разрешении сих дел, и прокурорскому надзору для уничтожения».

А в ноябре 1908 г. уже Департамент полиции издал секретный циркуляр для начальников ГЖУ, охранных отделений, в соответствии с которым они должны были направлять обнаруженные при обысках подпольные издания революционных организаций в Департамент.

Почти одновременно было направлено предписание заведующему заграничной агентурой с требованием высылать в Департамент в одном экземпляре газеты, издающиеся в Берлине, Вене, Париже и Лондоне по программе социалистов-революционеров и социал-демократов на немецком, французском, английском языках.

В результате всех этих мер библиотека Департамента полиции стала богатейшим хранилищем революционной литературы. Она, например, включала почти все герценовские издания: «Полярную звезду», «Голос из России», «Колокол», имела уникальные издания П. Ф. Алисова, М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова, Н. А. Морозова, С. М. Кравчинского, А. Бебеля, П. Лафарга, работы К. Маркса, среди них такие, как «К критике гегелевской философии права. Введение», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции», «Наемный труд и капитал». В ее фондах хранятся различные издания «Манифеста Коммунистической партии» (гектографированное издание «Манифеста» 90-х годов), работы Энгельса «Людвиг Фейербах...», «Наука и господин Дюринг» («Анти-Дюринг», сокращенный перевод), «Революция и контрреволюция в Германии» и др.

Особое место занимали работы В. И. Ленина, изданные в виде брошюр и листовок. В настоящее время по материалам отдела дореволюционных фондов выявлено 182 экземпляра работ В. И. Ленина, изданных до 1917 г.

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ

В период создания революционных партий, с самого начала глубоко законспирированных, придавалось большое значение службе наружного наблюдения — филерской службе. Один из чиновников Департамента полиции Трутков в сентябре 1903 г., говоря о сложностях политического розыска, писал: «Русская социал-демократия, революционная по своим средствам и целям, выставила стройную и сплоченную конспиративную организацию и выдвинула во многих городах целый ряд самоотверженных борцов, часто фанатиков революционного социализма». Автор говорил о трудностях проникновения в эту организацию, так как «революционная среда оказалась прочно организованной, действовавшей в полном согласии со своими центральными органами» [3].

Проникнуть в такую организацию было, безусловно, очень сложно.

Еще в 1894 г. при Московском охранном отделении был создан «летучий филерский отряд для борьбы с неблагонадежным элементом и тайными организациями в империи». В момент создания он насчитывал 30 человек и на его содержание отпускалось 19 800 руб. в год. Хотя отряд подчинялся охранному отделению,

но по указанию Департамента полиции филеры командировались в различные губернии для наблюдения за «революционным элементом». С ростом революционного движения потребность в услугах отряда росла, и в январе 1901 г. он уже насчитывал 50 человек. Летучий отряд был хорошо подготовлен. Его сотрудники знали в лицо многих участников революционного движения, особенно боевиков партии социалистов-революционеров.

В 1902 г. после реорганизации системы политического сыска (был создан ряд розыскных пунктов) летучий отряд при Московском охранном отделении был расформирован, основная часть его личного состава была распределена по этим пунктам, а двадцать наиболее квалифицированных сотрудников вошли в состав отряда, сформированного при Департаменте полиции.

В период революции 1905 г. на отряд были возложены серьезные обязанности, выросли расходы на его содержание.

С приходом в мае 1906 г. на пост директора Департамента полиции М. И. Трусевича был проведен ряд мероприятий по улучшению состава филеров на местах, в частности сделана попытка упрочить их служебное и материальное положение. Это явно активизировало, особенно в первые годы реакции, борьбу с революционным движением.

В ответ в революционной среде довольно быстро вырабатываются свои методы обнаружения агентов, умение избегать встреч с ними, уходить из-под наблюдения.

В фондах Московского и Петербургского охранных отделений сохранилось около 20 000 дневников наружного наблюдения за революционерами. Знакомство с ними говорит о серьезных трудностях, с которыми сталкивались филеры в связи с тем, что «переиграть» прошедших школу конспирации революционеров становилось все труднее. Их работа была полна риска, требовала постоянной бдительности, абсолютно надежной конспирации. Но что особенно поражало, так это стойкость революционеров, умение свести к минимуму число жертв и способность, казалось бы, разгромленных организаций к «самовозрождению». И причину этого следовало искать не только в накоплении членами революционных организаций опыта борьбы, но и в их явном интеллектуальном превосходстве, убежденности в своей правоте, умении быстро учитывать меняющуюся обстановку. В этом плане филерская служба, несмотря на все усилия чинов политического сыска, так и не смогла подняться выше унтерофицерского уровня, а с течением времени стала неизбежной моральная деградация большинства ее членов.

Реорганизация секретной службы связывается с назначением в июле 1905 г. заведующим политической части Департамента полиции П. И. Рачковского. В ходе тех реорганизаций, которые были затеяны им, основное внимание стало уделяться не революционному движению вообще, а конкретным партиям, подготовке кадров, обучению офицеров, знакомству их с нелегальной литературой, умению вести допросы, при которых можно было бы «заагентуривать» арестованных.

Планы Рачковского нашли полную поддержку Трусевича. Уже первые подписанные им циркуляры, направленные в охранные отделения и губернские жандармские управления, были нацелены на организацию и развитие секретной агентуры. Следуя им, начальники ГЖУ и охранных отделений пытаются вербовать агентуру на предприятиях, заводах, в армии и учебных заведениях. Способы были разные: шантаж, игра на алчности, безволии людей. Широко использовались доверительные беседы, чтобы нащупать слабое место у человека, посеять сомнения в правоте избранного им пути, разочаровать в успехе дела и т. д. В инструкции, разработанной в Московском охранном отделении, особо оговаривалось «склонение к работе по агентуре» слабохарактерных революционеров, разочарованных или обиженных партией, нуждающихся материально, бежавших из мест высылки, а также предназначенных в ссылку, а также из числа раскаявшихся, давших откровенные показания» [4]. Особое значение придавалось «заагентуриванию» руководящих деятелей революционных организаций.

Годы реакции были трудными для революционных партий: они сопровождались массовыми арестами, ссылками, отливом из революционного движения неустойчивых элементов. Надо признать, что многие аресты были спровоцированы секретными агентами. К их числу принадлежал и приобретший печальную известность провокатор Е. Азеф. Член ЦК партии эсеров, руководитель боевой группы, организатор многих террористических актов оказался

Член ЦК партии эсеров, секретный сотрудник охранки Е. Азеф. 1906 г.

многолетним секретным сотрудником Департамента полиции. Его провокаторская служба нанесла большой удар по революционному движению.

Разоблачение В. Л. Бурцевым ряда секретных сотрудников и особенно Азефа, повышенная бдительность революционных организаций серьезно обеспокоили руководителей политического розыска. В циркуляре Департамента от 5 февраля 1909 г. указывалось: «Последовавшее благодаря известным условиям разоблачение услуг, оказанных делу розыска инженером Евно Азефом, может с вероятностью вредно отразиться на приобретении новых и даже, быть может, на сохранении некоторых функционирующих сотрудников. Ввиду сего Департамент считает необходимым прежде всего разъяснить, что правильно поставленная внутренняя агентура является одним из самых сильных средств борьбы с революционными выступлениями, а потому дальнейшее ее сохранение и развитие представляется необходимым. В случае же замеченных колебаний в сотрудниках, ввиду раскрытия роли Азефа, надлежит указать сомневающимся сотрудникам, что розыскные органы сумели сохранить в тайне работу Азефа в течение 16 лет, и она огласилась лишь при совершенно исключительных условиях предательства, и что властями приняты все меры к полному обеспечению тайны работы сотрудников». Был принят специальный циркуляр об устройстве судьбы разоблаченных сотрудников и их дальнейшего использования.

В борьбе с «внутренними врагами» охранка считала допустимыми любые методы борьбы. С помощью секретных сотрудников жандармы стремились дискредитировать наиболее сильных и активных революционеров, распуская о них ложные слухи. В качестве примера можно привести «дело» Орловского Ивана Васильевича, незаслуженно обвиненного в 1909 г. в сотрудничестве с Московским охранным отделением. И. В. Орловский — земский учитель (партийная кличка Никифор), жил в Москве нелегально, был секретарем московской организации РСДРП. В январе 1909 г. из-за разногласий между московской городской организацией и московским окружным комитетом он, передав свои секретарские обязанности другому лицу (С. Н. Лебедеву — Аркадию), выехал за границу. Его отъезд совпал с начавшимися арестами членов московской организации, нелегальной типографии газеты «Рабочее знамя». Охранка воспользовалась этим и распространила слухи о его провокаторстве. На Орловского обрушились страшные обвинения, опровергнуть которые в условиях подполья было очень трудно. Жена его, М. А. Бужинская, пыталась спасти его доброе имя. Сохранилось ее письмо М. И. Ульяновой, свидетельствующее о том, что делом Орловского занимались в партии, что улик против него не было, но слухи продолжали распространяться.

Пытаясь доказать свою невиновность Орловский возвращается в Россию, где его арестовывают и ссылают в Иркутскую

губернию, Нижнеудинский уезд, Куйтунскую волость. В материалах Департамента полиции сохранилось перлюстрированное письмо бывшего члена Государственной думы А. В. Калинина из ссылки члену Государственной думы Н. Р. Шагову: «Пусто, холодно кругом, нечем заполнить пустоты душевной. Ссылка измельчала, местами даже загрязнилась. Нервозность на почве безработицы и недоедания повышена до невероятности. Кроме этого политическая ссылка кроет в себе массу лиц или имеющих, или имевших соприкосновение с охранным отделением. С месяц тому назад, например, наша Тулуновская ссылка открыла еще одного ссыльного провокатора, некоего Орловского, работавшего в революционных организациях под кличкой Никифор и провалившего целый ряд организаций» [5].

«Слава» провокатора преследовала Орловского всю жизнь. И только теперь, изучая документы Департамента, мы можем сказать, что Орловский таковым не был. И все слухи о том, что он провокатор,— дело рук охранки. Сошлемся на документы. Так, начальник Московского охранного отделения сообщал 6 марта 1909 г. в Департамент полиции: «... выезд Орловского (за границу) и начавшиеся после этого выезда аресты в среде членов Московского комитета означенной организации и послужили основанием к подозрению его в провокации, хотя в действительности Орловский никогда секретным сотрудником не состоял» [6]. А вот другое свидетельство того же начальника Московского охранного отделения: «Имею честь доложить вашему превосходительству, что Иван Васильевич Орловский и Мария Александровна Бужинская секретными сотрудниками вверенного отделения не состояли» [7].

В связи с новым революционным подъемом власти принимают меры по усилению слежки за партиями и общественными организациями. В 1910 г. в Департаменте полиции создается секретная агентурная часть, которая призвана специально направлять работу секретных сотрудников. «Наибольшая осведомленность при наименьшем личном активном участии в деятельности революционных организаций» [8] считалась основным правилом в работе секретного сотрудника. В жизни, однако, все складывалось иначе. Нередко секретный агент, работавший в партийной организации, невольно становился участником революционной работы. Недаром начальник Особого отдела, затем директор Департамента Е. К. Климович писал: «Раз член революционной организации сообщает о принадлежности или участии в революционных организациях, это уже само по себе представляет преступление с точки зрения закона... Совершенно отказаться от этого участия — значит потерять возможность информации» [9].

Еще более откровенно высказывание по этому поводу бывшего начальника Петербургского охранного отделения А. В. Герасимова: «... для того чтобы открыть какую-нибудь организацию, нужно иметь там своего человека. Несомненно, если организация ликвидируется, этот человек является тоже преступным уже потому, что он участвовал. Но если мы будем своих сотрудников выдавать, то никто не пойдет служить к нам... все, что делалось, это было, конечно, с юридической точки зрения преступно, но это была необходимость,— необходимость, требуемая Министерством внутренних дел» [10].

Усиление провокаторской деятельности полиции с 1910 г. можно проследить на примере Москвы. В это время, как отмечал начальник Московского охранного отделения П. П. Заварзин, было проведено несколько «удачных ликвидаций социал-демократов с помощью секретной агентуры». К концу 1910 г. в агентуре Московского охранного отделения насчитывалось 17 агентов, работавших среди социал-демократов [11]. В 1910 г. охранкой был завербован А. С. Романов, дальнейшая деятельность которого весьма типична для многих агентов. Партийные клички Романова — Георгий, Жорж, Аля, Аля Алексинский. Кличка как секретного сотрудника охранки — Пелагея. По профессии типографский рабочий, учился в Каприйской школе и близко стоял к руководящим партийным кругам. В 1910 г. был арестован и дал согласие на сотрудничество. В том же году по его данным была арестована «инициативная группа» по восстановлению Московского комитета. В 1911 г. он был «выслан» в Тулу, а затем в Тверь. Как сообщалось в переписке Департамента полиции: «...обстоятельствами, послужившими основанием для устройства Пелагеи в Твери, явилась необходимость освещения местного подполья, а с другой стороны, стремление заблаговременно отдалить от Москвы во избежание возможной «наминки» ценной агентуры, так как

усилившаяся партийная работа в Москве по подготовке к Пражской конференции должна вызвать аресты и пришлось бы арестовать Романова»[12]. Действительно, аресты в Москве были проведены, а Романов, с благословения охранного отделения, поехал на Пражскую конференцию. При одной из бесед с руководителем политического розыска выяснилось, что Романов мало читает партийной литературы (только газету «Пролетарий»), в связи с чем был сделан вывод, что «необходимо планомерное, систематическое направление (его) по партийным вопросам, о способах выполнения обязанностей, более частых встреч и энергичного руководительства со стороны заведующего розыском»[13].

Возможно, Романов хитрил, боясь разоблачений, и потому порой о некоторых вещах предпочитал не докладывать. Этим была положена тень на «добросовестность» Пелагеи. В переписке указывалось на то, что он требует более «опытного руководительства и тщательного контроля». Этот и подобные случаи побуждали Департамент полиции к тому, чтобы иметь в организации несколько секретных сотрудников, что позволяло бы перепроверять их сведения, их «добросовестность». Однако в случае с Романовым такие меры оказались излишними, доверие своих шефов он в конечном счете оправдал полностью.

ПЕРЛЮСТРАЦИЯ *

Среди методов борьбы царского самодержавия с революционным движением в России далеко не последнее место занимала перлюстрация. Она являлась важной составной частью розыскной службы полиции, служила источником информации о деятельности революционных организаций, настроениях среди населения, в различных общественных и политических кругах.

Перлюстрационные пункты создавались на почтамтах при Отделах цензуры иностранных газет и журналов и вошли в историю под названием «черных кабинетов». Общее руководство всей перлюстрационной работой в России осуществлялось через старшего цензора Петербургского почтамта, который именовался помощником начальника Главного управления почт и телеграфов. Отделы цензуры на местах непосредственно подчинялись ему. Старший цензор в свою очередь был в подчинении министра внутренних дел, от которого получал распоряжения и санкции на проведение работ по перлюстрации. Через старшего цензора шла оплата работы перлюстрационных пунктов.

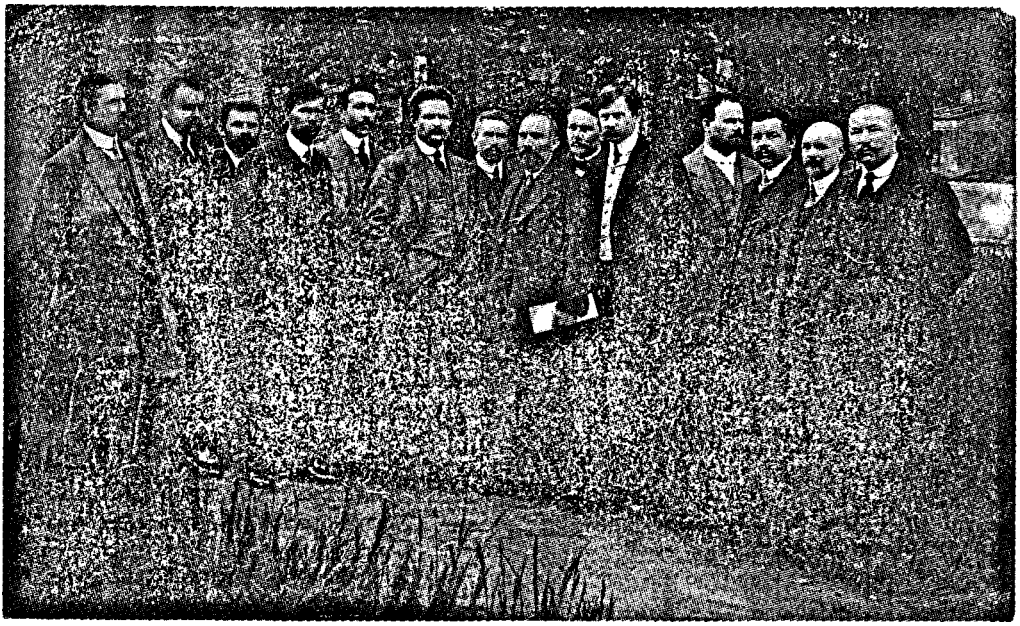
Перлюстрирование писем было действием незаконным. Ряд статей Уложения о наказаниях предусматривал кару за нарушение почтового Устава от четырех месяцев тюремного заключения до ссылки с лишением всех прав. Поэтому работа по перлюстрации держалась государством в строгом секрете. Ни министерством внутренних дел, ни старшим цензором не было издано никаких письменных циркуляров и правил о ведении этой работы. В то же время существовало негласное распоряжение об уничтожении всей переписки и всех материалов перлюстрационных пунктов на случай народных волнений. Этим объясняется, что в 1905 г. погибло много документов, а в период Февральской революции почти все материалы перлюстрационных пунктов на местах были уничтожены.

По всей России непосредственно перлюстрацией занималось от 40 до 50 человек. Было также еще около 30 помощников — почтовых работников, которые занимались отбором писем из основного массива, поступающего на почтамт. Интересно отметить, что не подлежали перлюстрации только письма императора и министра внутренних дел.

Письма задерживались в «черном кабинете» не надолго — на час-два. Содержащие интересные сведения откладывались для снятия копий. Просмотренная корреспонденция запечатывалась, и с обратной стороны конверта, в одном из уголков, делалась точка — условный знак (мушка), чтобы это письмо не подвергалось вторичной перлюстрации. Если письма были написаны химическими чернилами или зашифрованы сложным шифром, то они отправлялись в Департамент полиции и задерживались на более длительный срок, иногда до распоряжения Департамента.

Революционеры, безусловно, знали, что письма проходят перлюстрацию, поэтому даже зашифрованная переписка велась с большой осторожностью. Изобретались все новые приемы переписки. Так, брались каталоги разных фирм, а между строк

* Перлюстрация — это тайное вскрытие частной корреспонденции, копирование письма или его части.



Групповой снимок членов социал-демократической фракции IV Государственной думы. В центре — провокатор Р. Малиновский.

писался нужный текст химическими чернилами. Начальник Петербургского охранного отделения в 1916 г. доносил в Департамент полиции, что «известный лидер большевиков Ленин ведет переписку» с Петербургом при помощи каталогов через техническую контору Л. Б. Красина.

Тематика перлюстрированных писем чрезвычайно разнообразна. Здесь мы найдем материалы, характеризующие эпоху, время, отношение различных слоев общества к тем или иным действиям правительства, а также событиям политической жизни. Диапазон мнений, отраженных в письмах, настолько широк, что по ним можно проводить социологические исследования. Основная масса перлюстрированных писем связана с вопросами рабочего, профессионального, крестьянского, студенческого движений, положением в городе и деревне, настроениями в армии и на флоте.

Большое количество документов связано с деятельностью различных революционных партий и организаций, перепиской их с центром, получением директив центра, информацией о положении на местах, партийной печатью и ее распространением.

Имеется переписка, характеризующая деятельность монархических организаций, земского и городского союзов, «прогрессивного блока».

Департамент полиции считал социал-демократов наиболее глубоко законспирированной организацией. За деятелями РСДРП и их перепиской было установлено не просто наблюдение, а самая тщательная слежка. Также тщательно «опекались» члены социал-демократической фракции IV Государственной думы: И. Н. Туляков, В. И. Хаустов, Н. Р. Шагов, И. Н. Маньков, М. К. Муранов, Г. И. Петровский, Р. В. Малиновский, А. Ф. Бурьянов. Но, несмотря на все меры, в поле зрения охранки попадала лишь небольшая часть партийной переписки.

По иронии истории, осевшие в делах Департамента полиции, охранных отделений и жандармских управлений материалы представляют для нас сейчас неотъемлемую часть источниковедческой базы для изучения нашего революционного прошлого. Отметим, что в Полное собрание сочинений В. И. Ленина вошло более 40 писем, которые были восстановлены по перлюстрации, причем часть писем сохранилась в подлиннике и в 1928—1930 гг. они были переданы в Партархив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Имеются перлюстрированные письма Н. К. Крупской.

Эти письма давали яркую картину той ситуации, которая складывалась в России, характеризовали не только состояние умов в целом, но и настроение отдельных общественных кругов, а также содержали обширный материал о деятельности революционных партий и организаций, видных деятелей партии и ее рядовых членов.

Как видим, политический сыск империи располагал довольно солидной оппозиционной документацией. Изучая историю революционного движения, его опыт борьбы с правительственными органами и беря этот опыт на вооружение, Департамент полиции постоянно приспосабливал свой аппарат к изменениям в революционном движении. Однако это не помогло ему остановить натиск оппозиционных и революционных сил. Политическая полиция и ее руководящий орган — Департамент полиции — были сметены революционной волной. Закономерность такого исхода была обусловлена всем историческим развитием царизма, его реакционной и антинародной сущностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР. Далее ЦГАОР СССР, ф. 102, оп. 261, д. 221.

[2] Эта библиотека сильно пострадала в февральские дни 1917 г., но часть ее сохранилась. Сейчас это одно из самых крупных собраний нелегальной литературы, которое хранится в ЦГАОР СССР (фонд 1741). Подробнее см.: *Перегудова З. И.* Библиотеки революционных изданий Департамента полиции // Государственные учреждения и общественные организации СССР. История и современность: Межвузовский сборник Московского государственного историко-архивного института. М., 1985. С. 108—114.

[3] ЦГАОР СССР, ф. 102. 00, 1902, д. 825, л. 204.

[4] ЦГАОР СССР, ф. 63, оп. 47, д. 524, л. 3.

[5] ЦГАОР СССР, ф. 102. 00, 1913, д. 5, ч. 27, лит. Б, л. 10. Письма в виде перлюстрации от 8 февраля 1913 г.

[6] ЦГАОР СССР, ф. 102. 00, 1909, д. 7, ч. 10, л. 65.

[7] ЦГАОР СССР, ф. 102. 00, 1909, д. 5, ч. 34, пр., л. 128.

[8] ЦГАОР СССР, ф. 102. 00, 1915, д. 100, л. 8.

[9] Падение царского режима: В 7 т. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 107.

[10] Там же. Л., 1925. Т. 3. С. 8.

[11] По кличкам: Пушкарев, Каменев, Кропоткин, Воронцовский, Туляк, Пелагея, Портной, Бурцев II, Монтер, Леля, Нина, Переплетчик, Печник, Причетник, Разъезжий, Яковлев, Настя. Именно в период 1907—1912 гг. были завербованы такие сотрудники, как Романов, Бряндинский, Поскребухин, Малиновский, Регенкампф, Лобов.

[12] Коллекция ЦГАОР СССР.

[13] Там же.

СОДЕРЖАНИЕ

I

СУДЬБЫ И ВРЕМЯ 8
(Очерки, статьи, зарисовки)

Марк Сергеев
Верстами не измерить —

Давид Бутовецкий
«Честь и долг велят сражаться» 16

Владислав Романов
«Я летаю на собственных крыльях» 28

ПИСЬМА 37
Письма А. Г. Муравьевой из Сибири к родным

РАЗНЫЕ ЛИКИ ИСТОРИИ 42

Дмитрий Рац
«Отрицательно-добрый человек» —

Натан Эйдельман
Послесловие 56

ВЗГЛЯД С ТОЙ СТОРОНЫ 58
Декабристы глазами их следователя —

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ 73
(Поэзия декабристов)

Владимир Раевский
Певец в темнице —
Предсмертная дума 74

II

СУДЬБЫ И ВРЕМЯ 76
(Очерки, статьи, зарисовки)

Борис Костин
«Мы, на смерть идущие, вам клянемся...» —

Ирина Желвакова
Он успел стать только героем 94

ВОСПОМИНАНИЯ 111

Сергей Синегуб
Воспоминания чайковца —

Осип Аптекман
Общество «Земля и воля» 70-х гг. 117

ВЗГЛЯД С ТОЙ СТОРОНЫ 122
Из дневника министра внутренних дел Петра Валуева —

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ 129
(Поэзия революционного народничества)

Петр Якубович
Обряд окончился позорный... —
Ночь. Тихо... Ни стонов, ни слез... —
Смолк честный голос убежденья... 130

III

СУДЬБЫ И ВРЕМЯ 132
(Очерки, статьи, зарисовки)

Юрий Аксютин
Александр Шляпников —

Геннадий Жаворонков, Владимир Парийский
В немилость впавший 154

Степан Бардин
«Ленинградское дело» глазами очевидцев 162

РАЗНЫЕ ЛИКИ ИСТОРИИ 175

Генрих Иоффе
Керенский и Корнилов. Разрыв —

ЗА СТРОКОЙ АРХИВНОГО ДОКУМЕНТА 187
Из личных архивов —

Зинаида Перегудова
Методы борьбы Департамента полиции с революционным движением 197

ВОСПОМИНАНИЯ 206

Виктор Боруля
Встречи —

Юрий Флаксерман
Из лагерной жизни 213

ПИСЬМА 222
11 писем потемкинца —
Боль сердца нашего... 226
Письмо 1936-го 236

СУДЬБЫ ОТЦОВ — СУДЬБЫ ДЕТЕЙ 239

Татьяна Языкова
Моя семья, которой нет —

Юлия Муралова
О том, что никогда не забудется 251

ИСТОРИЯ ГЛАЗАМИ ПОЛИТИКА 265

Лев Троцкий
Из «Истории русской революции» —

ПИСАТЕЛЬ И ИСТОРИЯ 280

Альберт Плутник
Как Фейхтвангер грозил Гитлеру кулаком Сталина —

ВЗГЛЯД С ТОЙ СТОРОНЫ 292

Павел Милюков
Мой доклад о внутреннем положении России —

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ 306
(Поэзия Октября)

Мартемьян Рютин
Старик-большевик —

ФОТОГАЛЕРЕЯ «ФАКЕЛА» 311